

Кедров, 1985, 8 июня, № 23.

12

Интервью «Недели»

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ
СЕГОДНЯ

В Москву приехал известный английский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Джеймс Олдридж. В эти дни он дал интервью для «Недели».

— Советские читатели любят ваши романы, повести и новеллы, хорошо знают вас как публициста. Интерес к вам проявляется большой, это побудило снова просить вас об интервью.

— А знаете, как получаются лучшие писательские интервью? Писатель обдумывает, что ему хотелось бы сказать в данный момент, излагает это на бумаге, а потом дописывает вопросы к уже готовым ответам (смеется).

— Но, судя по плотности вашего расписания в Москве, такое идеальное интервью сейчас подготовить не удастся. Поэтому ограничимся обычным. Скажите, встречи с какими людьми наиболее повлияли на вас?

— Пожалуй, общение с отцом моего школьного товарища, рабочим-железнодорожником Чарльзом Клиффордом. То был человек, добившийся высокого уровня самообразования. Он отличался необыкновенным терпением. Я происходил из семьи консерваторов, и Клиффорду пришлось потратить много сил и времени, чтобы объяснить мне суть марксистского учения. Посвятив себя борьбе рабочего класса, Клиффорд воспринимал и разъяснял марксизм как идеологию радостную, полную любви к жизни. Для нас, пятнадцатилетних, было очень важно, что он представлял теорию оптимистичной, эмоционально яркой. Другим незабываемым человеком, с которым я встретился в особом сложном период своей жизни, стал Чарльз Спенсер Чаплин. Представьте: «холодная война» в самом разгаре, люди левых убеждений подвергаются преследованиям. Многие деятели искусства не выдерживали гонений и публично отказывались от своих прежних взглядов. Именно в это время в Англии оказался Чаплин, которого маккартисты вынудили покинуть США. Мракобесам не удалось сломить великого художника, вынудить его сделать какое-либо антисоветское заявление. Своим преследователям он отвечал жгучей сатирой, с убийственной меткостью изображал в лицах своих реакционных оппонентов. В общей обстановке скептицизма и раздвоенности личности Чаплина необычайно впечатляла; он оставался романтиком, не зараженным ни цинизмом, ни конформизмом. Его головой руководило сердце.

— Можно узнать расписание вашего обычного дня?

— Если судить о распорядке моего дня со стороны, то покажется, что я бездумно растрачиваю время. А на самом деле — напряженно работаю. Мой принцип: не спрессовывать, а растягивать день. Он начинается в восемь утра и заканчивается в час ночи. Сначала внимательно просматриваю газеты, после завтрака не спеша иду в библиотеку, находящуюся в нескольких километрах от дома. В пути хорошо думается. После обеда два часа работаю дома. Затем, опять-таки не торопясь, иду в другую библиотеку: мне важно менять рабочую обстановку. После ужина, если не вклинивается какое-либо общественное выступление, продолжаю занятия в своем кабинете до полуночи. С полуночи до часа ночи читаю что-нибудь перед сном. Отдых для меня — в первую очередь спорт, рыбалка, ну и, конечно, общение с друзьями.

— Об общении и в связи с этим о проблеме коммуникабельности, столь острой на Западе, где одиночество называют «за-

конным детищем урбанизации». Что скажете об этом?

— Полагаю, одиночество связано в основном не с развивающимся процессом урбанизации, а с борьбой за личный успех. Активная борьба за удовлетворение сугубо личных потребностей разъединяет людей; самоизоляция служит в такой ситуации средством защиты. В капиталистической стране идеальная модель преуспевания — отделенный от всех индивид без социально значимой цели. Стоит ли удивляться его одиночеству?

— Назовите семь чудес света — чудес на ваш взгляд.

— Чудеса из какой области — искусства, природы? И можно ли их сравнивать? Если говорить о том, что не перестает меня удивлять, то это прежде всего человек. Последующие три чуда — прошлое, настоящее и будущее. Пятое чудо — подводный мир, открывающийся аквалангисту. Шестое — литература. Седьмое, уж извините за пристрастность, английский деревенский пейзаж.

— В чем прелесть этого пейзажа?

— Вообразите: небольшие поля, островки дубовых рощ, тенистые просеки. Весной, летом и ранней осенью это все вместе — как бы большой сад, каждый дюйм которого ухожен заботливой рукой фермера... Однако этому чуду все больше угрожает опасность. Капитализм хищнически относится к природе. Все меньше остается дубовых деревьев. Их место занимают сосны, которые, как выяснилось, представляют собой идеальное вложение капитала: буржуа покупает участок земли, засаживает соснами, и через 30 лет у него или его детей богатое «недвижимое имущество» — строевой лес.

— Известно, какое место занимает в вашей жизни искусство. Даже за короткий визит в Москву, при полной занятости, вы находите возможность посетить Третьяковку, Пушкинский музей. Что происходит сейчас в искусстве на Западе? Складывается впечатление, что наблюдается ренессанс реализма, а всякие экзотические направления вроде поп-арта уходят в прошлое. А ведь раньше не проходило и месяца, чтобы поп-арт не производил какую-либо сенсацию, скажем, на вернисаже выставлялся унитаз.

— Как же, как же! Один «художник», сложивший в кучу 500 кирпичей, удостоился приглашения выставить это «произведение» в картинной галерее и даже получил за это премию в 300 фунтов. Единственное, что смущало дирекцию выставки — дальнейшая судьба кирпичей: передавать их в запасники или выбросить? Сейчас стали осознавать, что пренебрежение реализмом в течение многих десятилетий отрицательно сказалось на художниках Запада: снизилось их профессиональное мастерство. Они разучились писать то, что видят, так как старались выразить на холсте свои мысли или ощущения, а это не требует художественной школы и особой техники. Многие теперь поняли, что этот путь ведет в тупик, что гораздо ценнее и труднее с художественной точки зрения передать увиденное. И зрителю интереснее узнать, как видит реальность художник и что он при этом, а не вообще, чувствует. Возможности для самовыражения здесь безграничны, но они появляются лишь после овладения мастерством. Сравните с литературным трудом. Писатель может далеко отходить от норм литературного языка, но только если он хороший стилист. В этом случае он может менять все принятые правила словосочетаний. Иное дело, когда он просто не в состоянии подняться до требований, предъявляемых литературой к языку, и компенсирует неумение претензией на «оригинальность» стиля... Вспомните великих новаторов в искусстве: у каждого было несколько картин, безупречных с точки зрения классических требований. Словом, реалистическое искусство начинает занимать все более заметное место на вернисажах и в картинных галереях Запада.

— Что вы считаете самой большой личной победой в жизни?

— Постигание правильного мировоззрения. Марксистское понимание социального развития дало мне внутреннюю свободу, чувство цели обеспечило мне смысл жизни.

Интервью взял
Борис НОТКИН,
доцент МГУ.

МОСКВА.

313